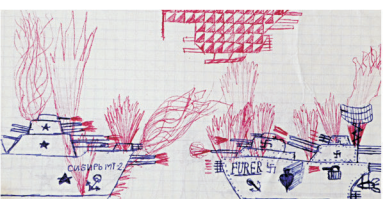
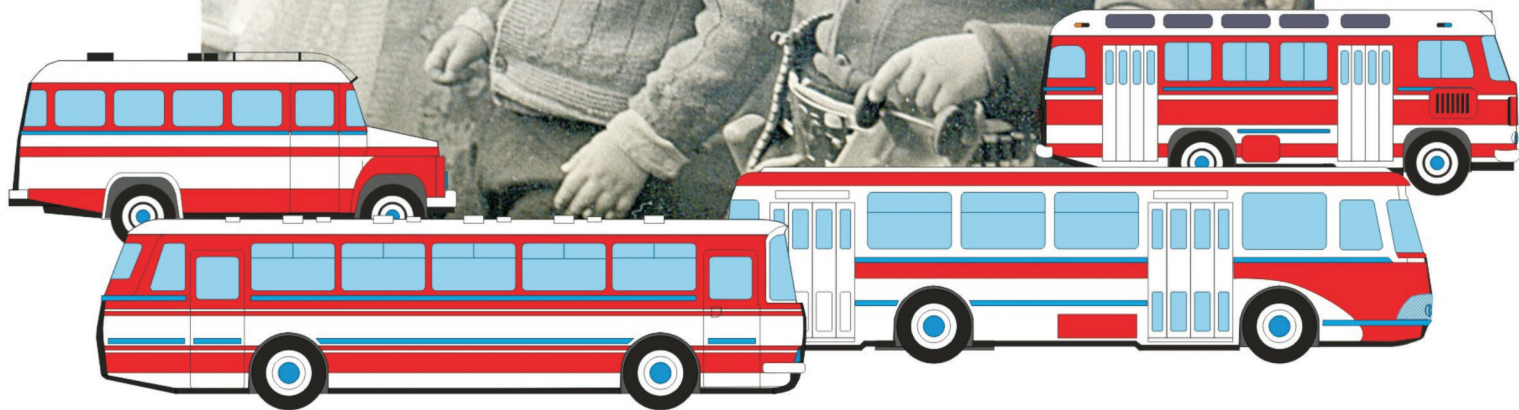
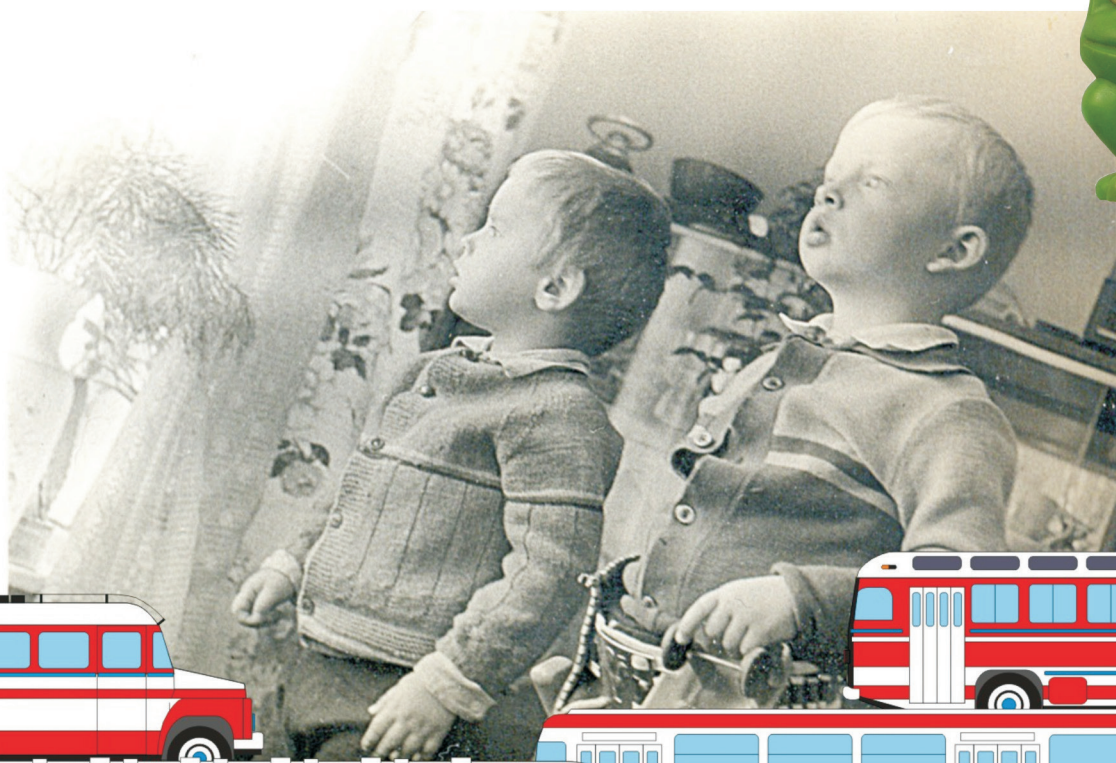


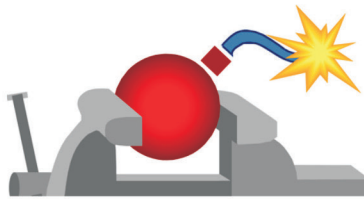
Вагим ЧИНДЯСОВ
Иван МОРОЗОВ



Восемидесятники



Этот-то с генетом связанное



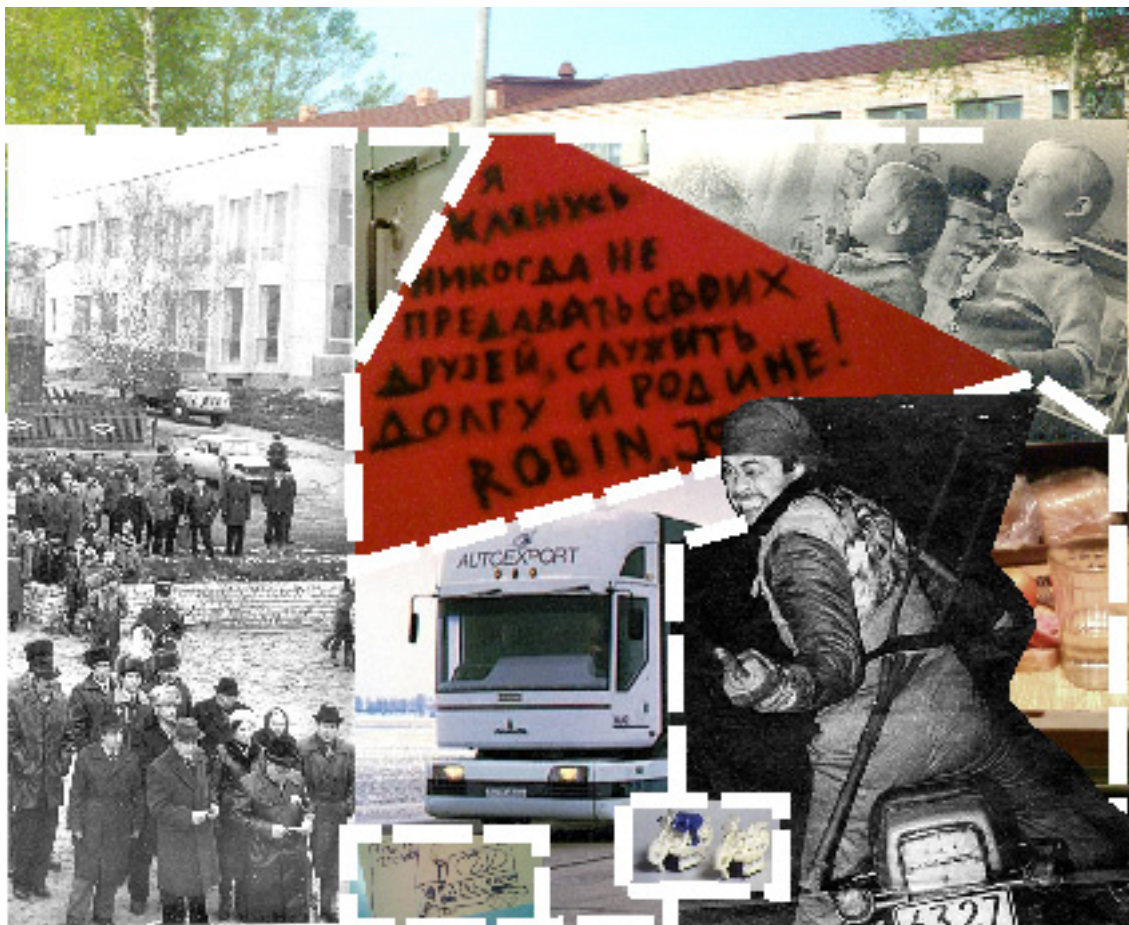


...Все знают, что есть такие люди – восьмидесятники. Они до (или в) перестройку рождены, СССР помнят. Вот нет, к примеру, девяностников или двухтысячников. Семидесятники опять же как-то не проявляются ныне. Шестидесятники.... да при нашей продолжительности жизни – где они? Мда...

Иногда кто-то говорит, что восьмидесятники – это некто, рожденные в 60-е годы, пошедшие в школы в 70-е, в ВУЗы – в 80-е и выброшенные в жизнь в 90-е. Позвольте, что это за старперы такие получаются?

Ну, а мы чистые восьмидесятники, рожденные в год Московской Олимпиады, ну, или на три года раньше-позже; помним Союз, помним себя в нем, помним, как Союз погиб... Помним игры, помним клятвы, помним ту дружбу и прыжки с высокого тополя на спор (и что характерно, ноги не переломали себе, только зеленая сопля из носа по инерции выскочила). Помним, потому что в 8-10 лет примечали такое, о чем взрослым тогда и не думалось... И веселые 90-е мы ощутили и продумали яснее, чем иные взрослые.

Вот об этом самом и будем.



MADE IN USSR

На раме моего старого детского велосипеда красуется гордая никелированная надпись «MADE IN USSR». Велосипеду уже двадцать с чем-то лет, однако, это по-прежнему крепкая машина, не растерявшая своей алой окраски и готовая к услугам хоть сейчас — садись и поезжай.

Окружающие нас вещи всегда нам под стать. Они живут долго. Прочее, «не наше», бьется, ломается и, в конце концов, исчезает из мыслей и жизни. И если верить природе вещей, то это мы — подобие своих живущих наяву и в памяти спутников. Приглядитесь к своим старым вещам. Ведь такими получились и мы, сегодняшние восьмидесятники — живое, крепкое, сделанное с запасом прочности племя.

Нам пришлось нелегко — слом эпох пришелся на середину недлинной нашей жизни. Переосмысливать безоблачность, пусть и прописанную на всю жизнь вперед, заменяя ее безответными вопросами, которые ждут тебя, еще не успевшего выговорить их. Легко? Навер-

ное, легче, когда ты мал, живя в семейном мирке теплого детства. Может быть, легче, когда ты уже взрослее, исподволь приготовился к удару?

Но не на втором десятке лет. В это время не бывает компромиссов, не бывает полуплохого, не бывает и полуправды. Или нам врали ДО, или обманывают сейчас. А когда проживешь добрый десяток лет так, полуправда оседает в тебе серой рябью пыли. И смотришь сквозь рябь, и думаешь обо всем — верить или нет? Ничто не принимается так, как оно свалилось на тебя. Все ощущается недоверчивой мыслью — нет ли обмана и здесь? Это живет в тебе недоверчивый восьмидесятник.

Как ни странно, это заставляет мыслить. Отдергивается пыльная завеса, и начинается поиск пути. Потом я пойму, что осторожный оттенок часто вернее яркого цветного пятна.

Сейчас пришло наше время. Это не крик лозунга о нашей очереди владеть, править и заправлять. Просто время отсчитало срок, сработал механизм, и вот мы — ближайший патрон в обойме. Мы — следующие.

Нами пытались стрелять раньше. Это напоминало невидимый эксперимент с проверкой запаса на нашей прочности. Кто-то сгинул в войнах, кто-то — в стычках. Кто-то злоупотреблял, кого-то употребили.

Если приглядеться ко всем ним, больше всего найдешь родившихся в 70-80 годы 20 века. И не хочется даже думать, что все это было необходимо времени, чтобы вселенская машина совершила холостой ход, отплюнув одной ей необходимый процент жизней.

Но снова мы — живые! И в нас даже сохранились задатки преобразовывать мир вокруг себя, а это уже немало, если не все. Мы уже не можем принимать все как есть, нам необходимо в этом быть, сливаться с жизнью и менять, создавая новое всеустройство, хотя бы вокруг себя.

Книга в наших руках все еще не побеждена телевизионным пультом или компьютерной мышью, хотя на бездумном уровне пульт и мышь так лениво — удобны! Они все мягче и плавнее, в то время как книга тысячи лет одинаково трудна. Нам еще есть что читать, есть, во что вникнуть; работающий ум не позволит нам свести жизнь к стрелкам направлений и кнопке ОК.

Когда-нибудь, через десятилетия, вылетая из обоймы, мы сможем сказать себе, что мы последние люди, рожденные и видевшие СССР, генетически вливший в нас задатки выжить на сломе, встать и найти новый путь.



Бумажные истории

Так уж повелось, что с самых ранних лет мы с братом писали друг другу письма. Это привилось нам от родителей, за что им огромное спасибо. Были те интересные времена, когда нас грело обычное бумажное письмо, а не электронное. И радостно было от того, что письма доходили друг к другу всего-то за четыре дня. И не надо смеяться, попро-

буйте сегодня отправить в соседнюю область бумажное письмо и засекуте время. Думаю, вы поймете, что кое-где прогресс прошел стороной.

Всего четыре дня — и твои мысли приходят туда, где их ждут.

Писали мы друг другу о разном. Самый интерес был даже не в новостях, которых за одну неделю школьной жизни набегало не так уж много. Это был не просто листок с информацией, для такого дела можно и газету купить. Прелесть была в творчестве. Настоящее письмо содержало в себе от силы пару записей о мировом положении и погоде. А дальше шли комиксы. Да-да, мы писали друг другу комиксы. Вторая половина восьмидесятых была небогата: комиксы как класс существовали в виде приключений Сипсика — странного прибалтийского персонажа — и ЗАЗнайкиной с БАРМАЛейкиным — классический школьный комикс, где были «плохой» и «хороший». Ну, еще перепечатанные известные мультфильмы. Кино, насколько нам его позволяли смотреть. Больше опереться было особенно не на что, и работали мы с тем, что видели. Спасибо мультфильмам, детской фантазии и сказкам про Урфина Джюса и его дуболомов, а еще незабвенному комиссару Каттани и отменному Шерлоку Холмсу. Персонажей в своих историях можно было так перемешать, невзирая на эпохи и страны, что получался причудливый, но веселый ворох.

А сказки! Герои, кланы, их драмы и драки додумывались на ходу, когда основные лица были готовы, а сюжет оставался за нами. Грандиозные побоища, победы над нескончаемой мафией и дурошлепство деревянных солдат бодрило. Буратино являл чудеса ловкости, от чего враги злились до слез. И еще живы эти «пьесы» — каждая удачная и смешная история просилась на лист. Это было удобно — играть, как в настоящем театре. Записи эти живы и по сей день. Живы те письма. И, надо сказать, мало что из нынешней переписки хочется так же беречь, как те кусочки бумаги возрастом больше двадцати лет. Первый опыт писательства... Особенно нравились нам рассказы про самих себя-героев, которые сокрушают на пару целые вражеские полки. И все силой ума и хитростью.

Крутые тачки, какими мы их видели, тоже часто посещали странички наших писем. Наклейки SU, USSR, бахрама, плакаты, оплетки руля и монетки на стекле по кругу мы рисовали особенно тщательно, как у настоящих грузовиков и автобусов, которых достаточно виде-

Восьмидесятники

ли на маленькой сельской автостанции и в окрестностях. Супертракторы и особенно неведомые легковушки – куда без них настоящему герою?

Был у нас в письмах и раздел «ЮМОР», где прочно поселились герои-копии настоящих подзаборных пьяниц, коих в то время стало появляться всё больше. Мы были весьма бесхитростными писателями и мало что от себя добавляли. А если уж добавляли, то обязательно доброе и хорошее. Неприятно было видеть спивающегося мужика, и тогда его герою мы придумывали хорошее, нужное занятие. У нас колхозник хотя и попилвал, но водил вертолет и лодку, и грузовик, и...и...

Недостатка в живом общении с пьяницами не было, а их междусобойные диалоги мы тщательно записывали и творчески переосмысливали. Так появился у нас некий запянцевоцкий Додик – центральная фигура хохм и деревенских самогонных приключений. Позже он оброс компанией таких же веселых друзей, и милый квартет заполнил наши комиксы сезонов этак на пять.



Зая-инкалтанка



Додик Огурцов



Шурик



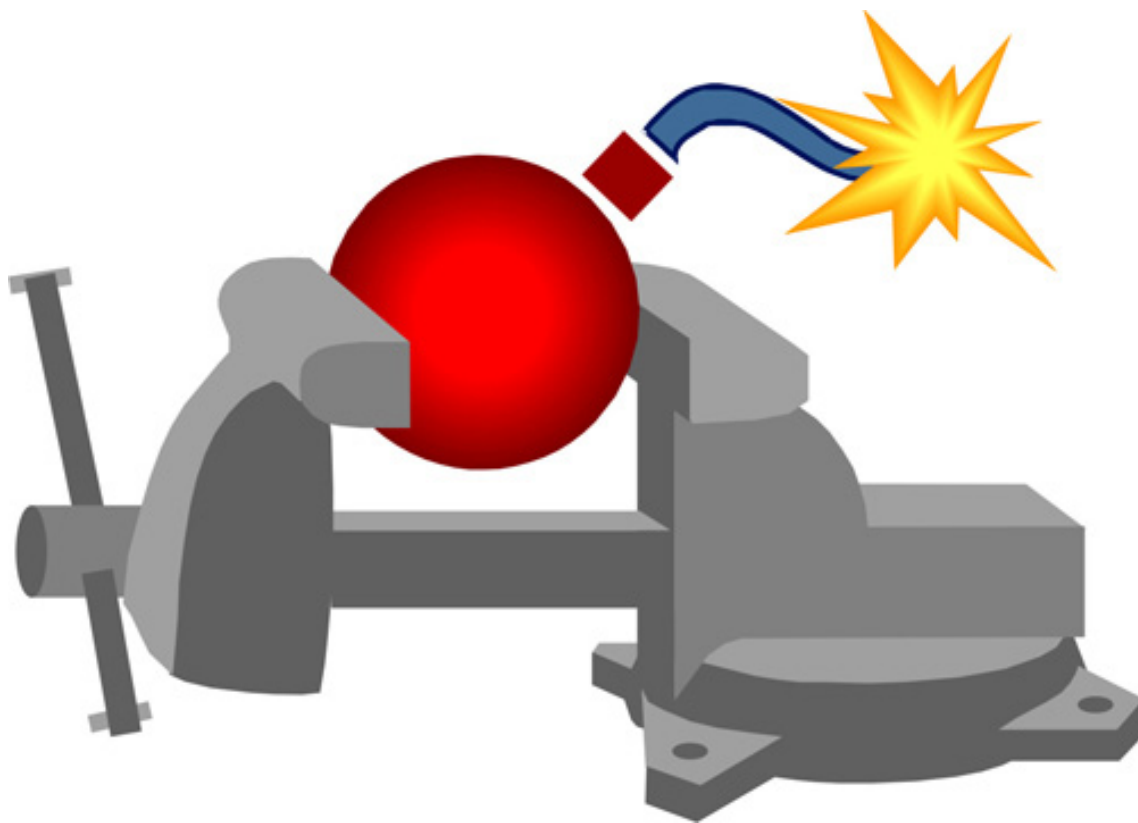
Падя Овечкин



Зая Должранов



Падя Коровкин



СуперБомба

Как мы это делали

В каждом мужчине в возрасте от четырех лет и до глубокой беспамятной старости бьется живой интерес и любовь к огню. Тёмные вулканы инстинкта железной рукой заставляют нас поклоняться ему как залогу тепла, жареного мяса и горячего чая.

В свою прошедшую, живую часть своего века, мы с братом предавались страстному поклонению огню и дыму. Ребяческий пыл вел нас по темному и даже криминальному пути, заставляя красть спички из дома, так как в магазинах их не продавали детям младше 11-12 лет. Между тем, в СССР недостатка в строительных патронах, карбиде, селитре и сухом горючем у увлеченной молодежи не ощущалось. Жгли и взрывали безо всякой боязни быть уличенными в терроризме или хотя бы хулиганстве. Максимальное наказание, грозившее за подобные дела, заключалось в порке и дранье за уши.

Опасно ли? Но в этом и была основная прелесть. По городу курсировали полусшепчущие слухи о том, что некий мальчик ранил себя осколками своей же самодельной гранаты. Трепет перемешивался с неумным восторгом, когда при броске мимо пролетали детали разорвавшегося боеприпаса (hand-made, между прочим).

Намеренно не сообщу особенностей технологии бомбочек из шприцов и дюбелей, строительных и спортивных патронов, карбида, марганцовки, бензина и других прелестных вещей. Кто знает, о чём идет речь – мы с вами друг друга понимаем! Для кого это пустой звук – и не пробуйте, право. В продаже есть все боеприпасы, которые тоже шумят, красиво разлетаются и порой не менее опасны.

А лучше я расскажу вам о том, как мы, подводя итог своим пиротехническим практикам, создали супербомбу. Нет, не так: СуперБомбу!!! Хотите получить бомбу, которая НИКОГДА не взорвется, поступайте в точности как мы. Нужно в стеклянную банку влить бензин, кинуть сухое горючее, залить машинное масло, добавить спирт, Накрошить серных головок от спичек, всыпать стирального порошка, приправить мамиными духами, капнуть шампуня и обильно сдобрить отбеливателем типа «Белизна». Тщательно взболтать и, слезясь от запаха, закрыть плотно крышкой с продетым фитильком для поджига. Да, забыл посолить. Если представите, что все это делалось в 91 году, когда даже соль случалась в дефиците, то поймете, насколько дорогое получилось изделие и чем мы рисковали при разоблачении.

Испытания проводились в безлюдном месте, чтобы воронка от взрыва не поглотила соседние дома. Жмурясь от страха, я поджег фитилёк и быстро отбежал на почтительные сто метров. Потом мы с Ваней еще пять раз повторили операцию, потому что фитиль предательски погаснул. Как это бывает в мультфильмах, последний раз он погас у самой крышки, не оставив нам шансов убраться живыми. Больше фитилей с собой не было.

Все равно пропадать, решили мы и подожгли оставшийся кудлатый хвостик. Но Бомба явно хотела, чтобы мы шли вслед за ней. Крышка лениво оплавилась, обнажила адскую смесь, которая вяло, занялась бесцветно-вонючим пламенем с нехорошим дымом.

...Взрыва не последовало и через час, когда брат, сидя над банкой, усердно тыкал в содержимое горстями горящих спичек. Военная кафедра моего родного института показала мне через много лет, что рецептик все-таки был не тот. И слава богу!



Игры-1

Почему мы стали такими

...Наше детство было не виртуально. Игры копировали жизнь, несложную ребячью советскую жизнь. При помощи пары прутьев, веревочки и куска картона из мусорницы (я мог бы сказать, что мусорные контейнеры и свалки были настоящей кладезью, сокровищницей для мальчишек, девочки в силу природной чистоплотности пренебрегали ими, а зря!) создавались прекрасные доспехи богатырей. Такие доспехи держали удар в самом жестоком бою, а надо вам сказать, бились мы всерьез, «всамоделишными» мечами, выструганными из дерева нашими отцами. Я как-то получил стрелой из лука между лопаток и отправился к праотцам почти по-настоящему. А все это фильмы о Робине Гуде!

Жизнь даже в играх была искренней, и положительных героев хо-

телось играть больше. Злодеев играли от безвыходности – должен же кто-то ими быть, и от этой неприятной обязанности старались избавиться. Героев любили и старались на них походить во всем. Повторяю, героев, а не антигероев. Плохиши были плохишами со всеми вытекающими моральными последствиями, и их презирали, несмотря на корзины печенья и бочки варенья.

На наш большой и шумный двор общие игры налетали как эпидемии – волнами, захватывающими ребят постарше и самых младших.

Были эпидемии игр в плитки. Как это вы не знаете таких игр? В вашем городе должны еще остаться дома с балконами и стенами, облицованными чудесной плиткой размером два на два сантиметра. Чудесные снаряды при играх на точность броска, бесценная разменная монета при ребячьих сделках. Такими играми не гнушались даже девочки. Плитки имели каждая свое достоинство: шершавые и белые «сахарки» были самыми дешевыми, уступая белым и гладким «молочкам», которые можно было, как в казино, поменять на пять «сахарок». Высшим классом считались плитки цветные, разной ой окраски, часто с мраморными полосками на боках. Исключительно дорогая вещь, ну просто как ... советский рубль для советского мальчишки. Дома, покрытые таким великолепием, почему – то оказывались за тридевять земель, но обдирались смельчаками в кратчайшие сроки.

Думаю, что игра в плитки была своеобразной игрой на деньги, которой не было места в то безмятежное время. Создавался «банк», куда ставились плитки игроков. Выкапывалась ямка, в которую по очереди с расстояния металась плитки – снаряды. Кто попадал, тот побеждал. У нас водились снайперы, с которыми играть было – все равно, что даром отдавать свой капитал. Они свободно попадали, щелкнув плитку в ямку, «с колена», «с руки» и даже «с головы». Придя в любой двор нашего городка, вы свободно могли поиграть с остальными – сезон плиток охватывал всех, а курс хождения «валюты» был везде одинаков. Потом плиточная активность детворы спадала, и полуободренные балконы переставали всех интересовать до следующего сезона.

Начинался сезон рогаток – оружия и спорта, в зависимости от того, в чьи руки попадала такая рогаточка. Все были изобретательны и делали в домашних условиях весьма убойные и устрашающие даже с виду приспособления. Шла настоящая охота на резиновые медицинские жгуты – главная дефицитная деталь рогатки. Можно было воспользоваться галантерейной резинкой для нижнего белья, но это был дурной тон. Второй важной деталью рогатки и, увы, самой быстро

заканчивающейся, были пульки. О, пульки – это песня! Находилась проволока, не слишком мягкая и не слишком твердая, и из нее гнулись «подковки» пулек. Каждый уважающий себя стрелок из рогатки носил с собой коробочку с боеприпасами, а если у вас такой не было, то нечего с вами и разговаривать. Стрельба приносила упоение и неприятности. Сколько стекол было разбито, пожалуй, невозможно выразить в квадратных метрах. Тут нужно вводить километры. Кровоподтеки и синяки, оставляемые таким оружием, были очень даже не виртуальными. Жалко было и птиц, убитых особо бессердечными. Потом жалко было самих бессердечных, потрясенных убитыми птицами. Никто после не озлобился, не стал психопатически опасным типом, опасным для общества...

Игры-2

Почему мы стали такими

...Мы были детьми, читающими, и прекрасно разбирались в оружии. В оружейках наших школ стояли ровные ряды боевых «калашниковых», а военруки щеголяли по школе военной выправкой. Граница была на замке. Фильмы и книги были патриотичны, а наша воля непреклонна.

Но время шло, и страна начала перестраиваться. Прожекторы перестройки рыскали по стране и по вечерам вещали с экранов, что тут у нас худо, что там-де проворовались и что пора уж «ширше», «мягшее», «открытее».

Открытее – так открытее. И наш большой дружный дом с треском стал вышибать табуретками окна на Запад. Вместе с окнами высыпались целиком фасады, но кому это интересно, если мы миримся и дружим! Да так теперь дружим, что за мир любого в порох сотрем!

Пресса в экстазе вырабатывала кипяток и мочевины. Новое мышление било ключом по разгоряченным трудовым шевелюрам, профессорским лысынам и молодежнухаиру. Мы, тогда еще восьмилетние, дружно подставили и свои головы. И надо же так случиться, что они сунулись аккуратно под снаряды журнала «Огонек»...

Здесь нужно маленькое объяснение. Сегодня журнал «Огонек» –

Восьмидесятники



всего лишь один из. Средненькое и уже малоприметное издание, снявшее с обложки все свои советские награды. Но тогда – о, это был вулкан страстей и клубок змей в одном издании! Журналец правильно понял политику партии восьмидесятых, и принялся нести информацию в массы. Мы можем об этом так смело заявлять, потому что пересмотрели с братом в перестройку все сохраненные подшивки «Огонька», начиная с тысяча девятьсот семьдесят лохматого года (когда печаталось, в основном «сдали-намолотили-построили», творчество идейно выдержанных авторов, соцреализм и фотографии вождей в хронологическом порядке по дате убывания этих самых вождей в мир иной). Хм, однако, как же нас хорошо надрессировали смеяться над этими самыми «сдали-намолотили-построили»! Писать о работягах – это моветон, господа! Пресса не должна быть скучной. А я вот что-то скучаю по таким заметкам. На кой мне гламурная весть, если моя страна не молотит, не строит, не сдает заводы...

Но я отвлекся. Читать «Огонек» мы закончили уже в незабвенном

1990 году, потому что наш дед, убежденный коммунист, перестал выписывать этот журнал. Да и то верно – в девяностом «Огонек» уже жег руки, как лоб горячечного больного.

Журнал знал решительно все о нашей советской истории, причем такое, что думалось – это не о нашей стране! В мастерстве упражнялись опальные раньше писатели (Солженицын, Войнович, даже юноша Радзинский, чьи телевизионные выкрики ощущались тогда даже сквозь страницы), запрещенные ранее кубисты-авангардисты-малевичи (чего только стоил эротизм «Атомной Леды» Сальвадора Дали – неизгладимое впечатление!), косноязычные, но очень горячие поэты и вездливые сатирики. Доклады о партсъездах сменились фельетонами самого хорькового свойства.

В этой игре прослеживалась одна четкая линия – «кто глубже клюнет режим и темные 20-е – 50-е с перерывом на шестидесятников и вторым заходом на застойные 70-е». Плохо было решительно все в нашем государстве, даже удивительно, что мы смогли выжить в токую эпоху. Вот ежели бы после царя да сразу же шестидесятники, да перестройка... тогда бы да бы.

А когда Рейган с Горбачевым-таки договорились о сокращении вооружений, у верного себе журнала появилась новая программа – а чем мы хуже? И с настойчивостью запестрели страницы: «дети, разоружайтесь!». Сначала нам было смешно и дико смотреть на то, как игрушечные автоматы, танчики и пистики заполняют собой мусорные контейнеры, а рядом сидит придурковатого вида паренек с какими-то сугубо штатскими (штатовскими?) куколками, которые он сменял на свое оружие.

Но смех был недолгим – детская акция началась всерьез. Предателей на страницах становилось все больше. А как вы назовете тех, кто выменял на Микки-Мауса свой личный пистолет? Я бы ни на что не поменял свой роскошный РПК на батарейках, с пулеметной лентой, ревом и огнем.

Но все эти публичные сдачи детьми оружия тихо сгнули в пределах Садового кольца, где некогда и затевались – загрохотали настоящие танки...

Много позже все эти веселые журналисты, писатели, видные деятели устанут от веселья и, словно оправдываясь, скажут: «...ну это было время огромных надежд, демократической эйфории, мы все были друг другу как братья, мы сбросили ЭТОТ режим...». Не знаю, но воспоминание о том времени у меня одно – я стою в очереди в хлебный мага-

зин за буханкой хлеба «больше двух в одни руки не давать!». Очередь – сорок-пятьдесят человек. Драка за хлеб... Веселый девяносто первый...

P.S. А еще много позже один авторитетный психиатр заявил, что полоролевою сущность ребенка закладывают внешние обстоятельства: поведение родителей, стереотипы женские и мужские, а также игры и игрушки. Мальчики, игравшие тогда в куклы, сейчас как раз должны уже вырасти и повзрослеть. С «голубой волной» вас!

Игры-3

водяные и всё, что с детством связано

Любили мы воду, ох, как любили! В одно время у меня был свой арсенал брызгалок. Целых три штуки, разного размера и фасона – от шампуней «Кря-кря», «Яичный» и



от отбеливателя «Белизна». Они были проще сегодняшних китайских водных ружей и гораздо надежнее. Обычная брызгалка, или сикалка, как ее называли, имела всего три детальки – мягкий флакон, крышечка от этого флакона и корпус от простой ручки – ствол брызгалки.

Была моя артиллерия на три, а то и пять метров, отчего бывал мокрым я, друзья и пробегающие кошки. Наша любимая водяная игра всегда шла в подъезде дома. Ребята делились на две команды – нападающие и оборона подъезда. Разделяли две команды только парадные двери подъезда. А так как в каждой подъездной двери всегда есть какое-то количество щелок и дыр, то вот вам и результатика! За одно лето мы в боях смыли побелку и наградили комарами пять подъездов в нашем дворе. Сырость на первых этажах была качественная! Волны водобоя набегали на город, и иногда дворы ходили стенка на стенку с брызгалками – ущерб от таких боев было не сравнить с темным мордобоем девяностых.

За это нас гоняли сознательные жители домов. Еще нам не давали пользоваться краниками с водой, которые тут и там глядели на улицу из подвалов домов для нужд уборщиц. У каждого бойца был «барашек» для открывания этих краников, чтобы не бегать за боеприпасами домой. Удобно! Но «барашки» истирались от жестких режимов работы и начинали прокручивать. Однажды один из нас открыл на полную мощность краник, а закрыть его уже не смог. Через четыре часа, уже к обеду, появился слесарь и закрутил краник, поминая матерей. По двору, особенно в нижней его части, можно было передвигаться только в плавках. С тех пор в доступе нам отказали еще и уборщицы.

Но водная идея на этом не умерла. Она переродилась.

Когда подорожало и исчезло все, последним оплотом безоблачного детства оставались резиновые шарики – невинная потеха. Они стоили 50 копеек, что было почти даром, когда даже игровые автоматы уже работали за рупь (прорезь была старая, под 15 копеек, поэтому продавались жетончики того же размера, но по рублю штука – первые образцы коммерческой смекалки). Шарики мы стали сметать сотнями, потому что это было и дешево, и весело – наливаешь туда до упора воды, завязываешь шарик и меташь его в недруга.

Мы заняли все верхние этажи девятиэтажек и безнаказанно швыряли с небес на прохожих бомбы. Вода фонтанировала, сердце подкатывало к горлу, адреналин зашкаливал, и мы с визгом скрывались в доме. Кто-то пытался гнаться за нами, но разве можно найти хоть

кого-нибудь на девяти этажах с развитой системой параллельных ходов-переходов? Гы!

Была в продаже еще одна редкостная игрушка – ракета на воде. В нее мы лили воду, накачивали воздухом и спускали изделие с поводка. Бешено свистя и плюясь водой, ракета срывалась вперед, а мы были мокрые и счастливые. Удар такой ракеты пробивал картонную коробку. А что вы хотите – советские игрушки, никакого виртуала. Сейчас я такой уже не нахожу, а жаль – детям бы приобрел.

Игры-4

еще о водной теме

Закрепляя водную тему, расскажу еще пару историй. Однажды, лет пяти от роду, я возвращался из гостей. Дело было осенним вечером, а фонари на нашей улице светили через один, а то и через два. Весь день шел ливень, и лужи собрались просто исполинские! А может быть, были они и не такими уж большими, просто я был меньше. Но так или этак, они сослужили своим спокойствием со мной скверную службу.

В теории я, конечно, знал, что в этом самом месте, в глубинах лужи, находится колодец канализации – ливневка по-нашему, по неученому. Догадывался и о том, что часто ливневки не любят закрывать доблестные коммунальщики, была такая у них особенность в советскую пору. Но мой юный мозг как-то не сопоставил эти две линии. Они параллельно просвистели мимо меня по правому и левому борту, и я смелым шагом вошел в воду по голень. В своих сапогах я был уверен, как в себе.

Осуждаете? Где было ваше детство – в пустыне без водоемов и без новеньких резиновых сапог? И без корабликов в водоемах и булыжных бомб, которыми эти кораблики бомбят? Да вы что! Сочувствую.

Мое детство было богатым на воду. Я ввалился в открытый колодец сразу, по пояс. Может быть, и утонул бы, если бы не нащупал края колодца и схватился за них. Плавать тогда я не умел... Синий комбинезон и зеленые сапожки побурели, как медвежье... ухо. Дрожь выбросила меня из колодца, и я взметнул брызги, как дельфин (мне так показалось).



Дома я получил свое за то, что полез в лужу (грехь!) в резиновых сапогах (грехь! грехь!). Скидок на то, что сын чуть не утонул в канализации, мне не сделали и, по-моему, даже не поняли сути. Но я не обижаюсь. Вода – она друг, даже в таком неласковом виде!

В другой раз, в деревне, мой брат Ваня чуть не утонул в коровьем пруду, а заодно и я с ним. Коварный пруд назывался Низ и был рукотворной ямой. Котлован с заиленными скользкими берегами и зеленой водой любила детвора. Купаться на пруд ходили все. Но деревенская детвора имела перед нами преференции (преимущества то есть) – они плавать умели. Мы все время плескались на неопасной глубине и не могли оценить эти самые преференции (преимущества то есть).

Мы зашли в теплые струи, разогнали руками коровью органику и как бы поплыли, разводя руками как заправские пловцы, а ногами твердо ступая по дну. Все было прекрасно, у Вани в руке была люби-

мая новая машинка. Но котлован, как ни крути, всего лишь котлован, и форма его нехитра – утес наоборот. Мы перешагнули полосу безопасности, ноги наши разъехались и мы стали тонуть. Скользкие уступы не пускали на твердый берег. Я ухватил в отчаянии ком грязи на дне, и он не оторвался от земли. С ним я и влез обратно, в дрожи и страхе. У Вани дела были похуже, у него такой грязи под рукой не было. Отчаяние мое переросло в горе. Утопает брат, подумал я, и полез обратно. Но страх задержал меня на кромке, после которой начиналась глубина с головой, и в которой плескался Ваня.

На наше счастье, рядом плавал знакомый парень, мой тезка (привет тебе, Вадик, и спасибо), которому я пролепетал, что вот, мол, Ваня тонет, что теперь делать? Вадик все понял и тут же сплавал за Ваней и подтащил его к берегу.

Машинка утонула, но мы были живы! А после этого случая я впервые задумался о пользе плавания.

Про насекомых, мышей и познание природы

Все интересно в пору детства. Когда тебе нет десяти, ты учишься у природы. Сначала выдергиваешь лапки мухам и смотришь, что будет дальше. Смотришь, смотришь... И вроде бы что-то начинаешь понимать о мире.

Когда мы были маленькими, то жили на природе. Мы пропадали на улице и были все время у земли, не отрывались от нее. Жуки и букашки стали нашими друзьями. Мухи и тараканы — злейшими врагами. Мы охотились на них. Мы изучали их.

Между окон в бабушкином доме жила стая пауков. Они поселились там еще до нашего рождения и только исход людей из дома прекратил их род. Между стекол лежал пышный слой ваты для тепла, и паучье царство жило в полном удобстве. А мы с братом получили в распоряжение целый террариум, прозрачный, светлый и полный жителей. Раму не открывали ни летом, ни зимой, поэтому поселение всегда стояло нетронутым.



Пауки сплели сети, да так плотно, что если бросить на нее сверху нетяжелый предмет — спичку или даже деталь ручки — те не долетали до дна, а повисали на паутине. В этот миг начиналось веселье. Выбегала пара-тройка хозяев и начинала исследовать поимку. Когда они убеждались, что это не еда, то разочарованно принимались рвать сети. Кусок ручки падал на дно, а дырку немедленно заделывали паучьи ножки.

Пауков мы подкармливали, как могли. Мы рано научились охотиться на мух и комаров с газеткой и просто с голыми руками, спасибо деду, он умел ловить их бесподобно. Добычу скидывали в террариум через форточку, где ее терзали и потрошили хозяева. Или отправляли на отсидку в спичечный коробок. В тучные годы на подоконнике набиралось штук десять коробков с узниками. И мы их казнили через повешение на взаправдашней виселице или через смертельный укол адской швейной машинки для детей.

Взрослые были очень недовольны нашими наклонностями, хотя надо сказать, что никакого особенного садистского удовольствия мы не испытывали. Это было любопытство ребенка и предвкушение акта самой природы. А в остальном мы не любили всех этих вставляний соломи-

нок в шмелей и убийства лягушек старшими мальчишками и старались в подобном не участвовать — то был настоящий садизм. Вскоре мы отказались от пыток мух.

Естественно, что от таких действий популяция мух снижалась, и мы скучали. Поэтому однажды мы решились на глобальную зачистку и отправились в подъезд. Там всё кишело мухами из-за текущей в подвал канализации. Мы принялись за продовольственные заготовки для пауков — били их руками и складывали в маленькие игрушечные грузовички — красная кабина, жёлтый кузов (прообраз ГАЗ 3307). Ну, наши мамы, застав нас за этим занятием, стали нас ругать и отправили домой. И снова подозрения, допросы...

Пауки меж тем жирели и уже не кидались на какую попало мушку или комара, а ждали только самых увесистых. Приходилось даже подкармливать собой комаров, а когда они, гады, напивались нашей крови, ловить их со всей бережностью и бросать паукам.

Впрочем, довольно только о пауках. Животный и насекомый мир состоял не из них одних. Чего стоили тараканы! Вот кто стремился на престол в квартире и чуть было всех не победил.

Однажды мы поймали жирного таракана в спичечный коробок. Узников обычно было много — мухи, жуки, тараканы, комары — и мы часто рассуждали, как решить их участь: то ли пустить их по доске в море-окиян, в роли которого служил огромный бабушкин таз с водой; то ли предать сожранию пауками; то ли заморить в казематах. Тараканы были особой удачей, потому что почти всегда сбегали от нас. Проворные твари.

Наш таракан был жирен по причине того, что был беременной самкой. Удача! Придавить к ногтю целое семейство и даже ловить не надо! Итак, решено: самку в казематы.

Мы ждали день, потом другой. Но наше терпение было не стальным, и мы все время заглядывали в коробок, чтобы через мизерную щелку увидеть, жива тараканиха или уже нет. Шибуршание в коробке говорило, что открывать ее рано.

И вот на третий день мы решили открыть каземат, потому что внутри больше никто не шуршал. Ваня пальцем начал сдвигать коробок и заглядывать внутрь. Тишина.

Вдруг изнутри высунулась тараканья башка с усами. Ваня отпрянул и выронил коробок. Оттуда с невозможной даже для таракана скоростью выскочила тараканиха и штук двадцать крошечных таракан-

чиков. Все бросились врассыпную, и нам никого не удалось поймать. Огорчению не было предела. Так каземат единственный раз в жизни превратился в уютный инкубатор.

Тараканья экспансия продолжалась день за днем. Насекомые казались непобедимыми и гуляли, где хотели. И на злобу дня у нас появился специальный тараканный юмор.

Однажды меня послали в кухню за столовым ножом. Я тяпнул им пару раз по столу, чтобы все слышали, потом принёс его:

– Я взял ножик! И вижу, два таракана бегут, я одному башку отрубил, а другого на половинки разрубил.

– Что ты, что ты, Вадик! Как можно! Зачем ножом-то? Ах!

Взрослые волновались хоть и зря, но не без причины. Они частенько думали о том, чего от нас еще можно ожидать.

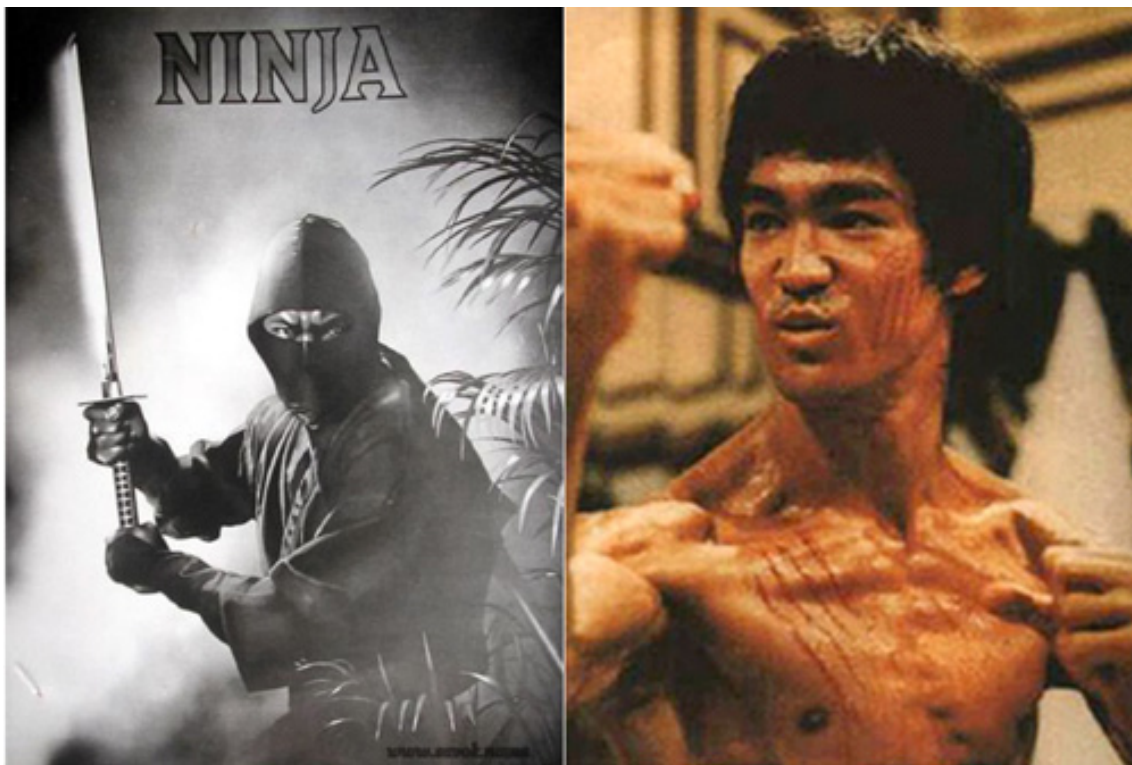
Охотились мы и на мышей, чья семья жила у нас под полом и не обращала внимания на то, что в квартире городского типа мышей быть не должно. Звери резонно полагали, что если живут на селе, то уже все равно, в доме или квартире.

Мы начали зачистки. У бабушки были три мышеловки, и одно лето они работали сутками напролет. В те каникулы мы нащелкали в кухне около сорока мышей, а может быть и больше. За каждую убитую мышь мы рисовали звездочку на кухонном буфете. За толстую мышь рисовали значок покрупнее. За крысеныша, сдуру влезшего в чужую ловушку, рисовали грандиозную звездищу.

Поимки, как уже можно догадаться, попадали кошкам на стол. Повторюсь, мы жили в ладу с природой и участвовали в цепочке питания по мере сил. Мы бросали мышей с балкона прямо в проходивших мимо котом. Те сначала испуганно отскакивали и бросались наутек. Но мало-помалу запах свежей мышки стал их привлекать. Через неделю по вечерам под нашим балконом начинался бал гурманов. Коты ходили кругами и с радостью встречали манну небесную. Некоторые из них за то лето заметно поправились.

Но каникулы закончились, и запасы мышей, мух и тараканов иссякли. Мы разъехались по домам, а кошки вновь перешли на самообслуживание.

Мы были в ответе за того, кого приручили и поэтому, когда опустела бабушкина квартира, не стало ни пауков, ни тараканов, ни мышей. Они ушли, чтобы не вернуться.



Гангстеры

...Мы подрастали. Начались игры, которые разменяли наше детство на юность. Сознание, постепенно взрослея, по-прежнему жадно впитывало происходящее. А оно, это происходящее, щедро делилось с нами всем новым. Это только потом пришло сознание того, что каждый жадный глоток западного ветра для нас, девятилетних, был, пожалуй, глотком ветра с мусорной кучи, а источники, дававшие пищу для ума, походили на канализационные трубы. Все требовало очистки, осмысления, снятия наносной пены. Однако, чего не сделаешь ради жажды?

Мы всерьез задались вопросом, кто из героев самый сильный в мире. Споры эти имели для нас и смысл, и цель, а по-другому и не бывало. Ведь на смену старым героям нашего подросткового эпоса должны были явиться новые, современные. И они явились.

Путем сложных умозаключений, всестороннего изучения экстерьера ведущих западных киногероев того времени, а также путем компромисса («Сто кило одним пальцем жмет!» – «Нет, двести!» – «Ладно, ни тебе, ни мне – сто пятьдесят!») мы составили-таки табель о рангах.

Загорающаяся тогда звезда небосклона Ван-Дамм тогда еще нам не был известен, поэтому участвовали:

1. Старый добрый Рэмбо .
2. Арнольд Шварценеггер (это было до Терминатора в СССР, иначе бы мы его не называли таким длинным, хоть и родным именем. Был бы просто Терминатор).
3. Брюс Ли.
4. Чак Норрис (крепкий середняк, но врага на Луну заслать может).
5. Монахи Шао Линь (все скопом, где их там было разбирать?).
6. Ниндзя (это конкретный человек с большой буквы, а не собирательный образ).
7. И еще пара-тройка «из второго эшелона».

Хотели было включить Сильвестра Сталлоне, но вспомнилось, что Рэмбо на плакате очень на него похож, и, вероятно, может сойти за него. К чему плодить героев, если нужен был один абсолютный чемпион?

Пьедестал поделили, если не ошибаюсь, Брюс Ли с Арнольдом; но все они бледнели перед чемпионом – Ниндзя! Мы знали, что человек с таким именем – один в мире. Киношный плакат очень ярко нам обрисовал нам человека в черном с прорезью для глаз, с мечом, в какой-то боевой раскоряченной позе. От него веяло таинственностью и силой. В результате наш герой получил выдающиеся способности, как то:

- свободное поднятие тяжестей до 1000 кг (Восток – дело тонкое, а слышанное краем уха об искусстве ниндзя плюс буйная детская фантазия помогли затмить верного претендента на трон Арнольда),
- чуткий-чуткий сон,
- бесшумные движения,
- орлиное зрение,
- владение всем мыслимым оружием и, кажется, способность лететь, но не наверняка.

Былинные русские и советские герои требовали замены, причем полной, по-подростковому, по-максималистски. Страна неистово бросилась дружить с Западом, не вынимая, впрочем, фиги из кармана. Места героев никогда не терпели пустоты, и мы заткнули брешь.

Но не игралось. Лидеры списка не взволновали нашего воображения, потому что были фигурами войны. А всем известно, что даже буй-

ная фантазия восьмидесятников не способна придумать для героических бойцов что-то сверх того, что уже придумал Голливуд.

Вообще игры, навязанные со стороны, чужие по духу, как-то сразу «не шли». Появлялось ощущение натянутости сюжета, неправдоподобия. И все. Фантазия начинала отказывать нам, и интерес играть дальше исчезал. Сейчас, много лет спустя, становится понятно, что ощущение «не шла игра» и было тем самым верным индикатором того, правильно ли мы играем, не ушли ли мы в сторону от своего Детского кодекса.

Не шли игры в гангстеров, передвигающихся в красном «Кадиллаке», в шляпах, костюмах и при оружии. В шляпах и костюмах мы не знали недостатка, потому что у нашего деда был порядочный гардероб. Плащ? Пожалуйста, одеревеневший от времени и стоящий самостоятельно на полу плащ наш. Шляпа? Любая, с бантом и без. Так вот, почему же не шли игры? А какая у гангстера жизнь? Настрелять десяток-другой копов, стащить баксы, получить пулю в пузо и лечь на дно. Ничем другим, как показывало кино, они не занимались. Скучно! Были еще у них женщины, но нам было непонятно, для чего. Обуза только. А так как в ребячьей жизни все вертелось вокруг незамутненной чистой логики, то и нам женщины оказались ни к чему, мы даже не стали их изготавливать из подручных материалов и обрывать в женское. Нам не нужны были лица из массовки, неконкретные серые персоны.

Подчиняясь этой же логике, все в игре должно быть максимально правдиво, но без суперреализма. Приставленные к «Кадиллаку» (диван) настоящие двери от грузовиков, валявшиеся в те времена на улицах сел тут и там, вместе с достоверностью могли принести еще хлопоты. А вот настоящий руль – нет. А деньги? Мы их даже не искали, потому что их с успехом заменяли советские лотерейные билеты (очень похоже!), а баксы – круглые картонные колеса от автомобиля «Сделай сам» (Были времена! Не нравятся тебе игрушки – сделай сам! Склей, раскрась и играй. Эксклюзив). Именно так – доллары есть доллары, а баксы – это баксы. Вам разницы никакой, а по-нашему, бакс обязан быть круглой монетой.

Однажды, отстреливаясь от наседающей полиции и получив по пуле: Гарри – в живот, а Терри – в голову, мы не смогли вести наш красный «Кадиллак» дальше, тапочные педали не слушались, а руль выпал из рук.

– Терри, веди эту чертову машину, я ранен в живот!

– Гарри, а я в голову!

Восьмидесятники

– Терри, но ранение в живот самое болезненное в мире ранение.

Терри ничего не осталось, как вести машину, потому что с авторитетом не поспоришь. На днях некий герой кино умер в мучениях от такой же вот раны.

Но когда мы легли на дно и сами себе зашили раны, то решили больше со дна не подниматься, баксы потеряли, а игру забросили...

I'LL BE BACK!

– Отличный выстрел, сынок! Как тебя зовут?

– Мерфи!

Продолжая тему героев боевиков, скажу, что составить рейтинг нам помогали фотографии с их изображением, которые продавались повсюду. Друг Ниндзя – это такой культурист, который на фото присел на одно колено, рядом с ним кубок (полный sake) и винтовка или автомат. Из одежды суперминишорты. Слово «стринги» восьмидесятники не знали.



Эти товары продавались в ларьках звукозаписи; торговцы, которые вместо столов и лотков раскладывали свой товарец на раскладушках, по национальной принадлежности были кем-то средним между китайцами и цыганами. Диаспора с Кавказа была малочисленна, но колоритна! (Надеюсь это не расизм и национализм с фашизмом и шовинизмом). К нам, например, даже приходил в школу немой человек, неславянской внешности и продавал фотографии с множеством вариаций на тему Арнольда, Сталлоне, Брюса Ли, Джеки Чана и другими, менее известными. На вопрос: «Сколько стоит?» – показывал один палец – (рубль), два – (два рубля). Кроме этих фотографий эти ара продавали изображения икон и православных дат, переснятые на фотобумагу и даже где-то заботливо подкрашенные, и люди брали да как! Ну, и конечно, «американскую мечту» – календари и плакаты с орлами, английскими буквами, словами USA, AMERICA... Обязательно присутствовал Майкл Джексон и девушки, почти одетые.

Также процветало в нашей среде коллекционирование изображений с этими героями (Арнольдом и прочими), как мы их называли, «боевиками». Это могли быть не обязательно покупные фотографии, также ценились вырезки из газет и журналов. Кто-то даже заводил тетрадки (обязательно в клетку), куда аккуратно клеивалось. Потом стали появляться календарики с «боевиками», на обратной стороне которых вместо календаря была хитрая таблица, при помощи которой, можно было высчитать, каким днём недели будет, например, 15 июля 2006 года. Пределы календарной вечности лежали на границе 2010-2012 годов, казавшихся нам какой-то заоблачной далью.

Полиграфия развивалась. В середине 90-х стали появляться полноцветные плакаты. Примерно об эту пору появились жвачки «Терминатор». Жвачки покупались десятками, вкладышем в ней была цветная самоклеющаяся наклейка с кадрами из фильмов. У меня тоже был блокнотик, сделанный из тетрадки, куда я это дело аккуратно клеивал. Дефицитные вкладыши отдирали, откуда придётся – с парты, с двери, со стены даже с обложки учебника. Заключительным этапом «боевиков» стали видеофильмы. То, что мы видели на фотографиях, на экране ожило, стало разговаривать, двигаться и, конечно, сражаться со всеми врагами. Впечатляло. Это на первый взгляд. На второй – множество фильмов – кальки друг с друга. У главного героя убивают а) наставника; б) родственников; в) он сам получает трендюлей и чуть не отправляется к праотцам; г) нечеловеческие тренировки и месть.

Несколько весёлых моментов круто разбавляли сюжет: главного не-

годя можно было в середине фильма скинуть с десятого, а можно и с сотого этажа, но в конце он обязательно придёт за тобой. Помирали негодяи, в основном, от ударов в полёте (прыжками это было назвать сложно) или падали головой или телом на торчащий, откуда-нибудь штырь или болт. Как вариант мог быть меч. Конечно, были и шедевры, я серьёзно! Но учёба в школе закончилась, «боевики» отошли на второй план, потом на третий, четвёртый... Началась эпоха постеров с модными группами и прочими персонажами, но это было уже не то.

– Как тебя зовут?

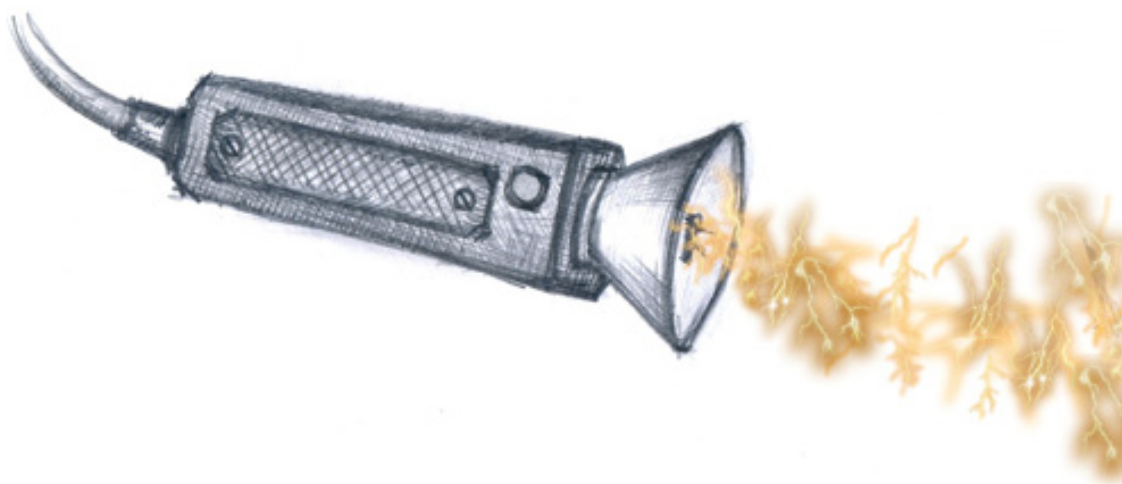
– Леон.

– Леон... Леон... Чёрт! Что за имечко? Так! Тебя будут звать Лев!

ЯСНЫЙ МОЙ СВЕТ

И жили мы весело, и был у нас источник света. Детям как никому нужно свое маленькое солнце. И оно у нас было. Точнее, солнца всходили и тут же заходили в наших пытливых руках, с погнутыми и поредевшими лучами.

Однажды к нам в руки попало Нечто. Это было царь-солнце на длинном проводе с загадочной вилкой на конце. А если у фонаря имеется вилка, то должна найтись для нее и розетка, тем более, что провод у него был как у любого электроприбора, который включался в обычную розетку 220 вольт. Однако, лампа в была маленькая, как



в обычном фонаре, что навевало – нет, не сомнения, а предвкушение – устоит лампа или нет? Мы долго задавались вопросом, как это дело могло работать, была даже версия, где-то прочитанная или услышанная, что некоторые работники как-то переделывают электроинструмент на 36 вольт, чтобы било несильно. Ходили мы вокруг фонаря долго-долго, и не было случая проверить его работоспособность. Да и хозяин этой игрушки мог обнаружиться в любой момент. Обычно так и получается со старинными фонарями, приемниками и прочими артефактами – находишь их в глубине поленницы или на пыльном чердаке, из них, паникуя, сыплются мыши и тараканы. Отмываешь, оттираешь, готовишь их к смерти за науку и – какой дивный поворот сюжета – через тридцать-сорок лет небытия у фонаря обнаруживается некий законный хозяин, который «давно уже его ищу, а вы тут все растащили и переломали!».

Однажды, конечно же, нелегально, мы принесли царь-фонарь в бабушкину квартиру и спрятали до лучших времён. Лучшие времена настали (а как же!), и вот час истины пробил – мы снова сидим в зале на полу и достаём из пакета этот фонарь. А надо сказать, делать надо было быстро, пока никто не пришёл. Дело осложнялось тем, что провод у фонаря был метра три, али три с половиной и доставать его быстро из закровов не удавалось. Наконец то! Фонарь положили на валик дивана и осторожно поднесли вилку к розетке. Не то чтобы было боязно, но как-то дрожали руки. Но у фонаря не оставалось уже никакого выбора, он должен быть включен. Шоу мастгоу он!

Раздался короткий сухой треск, и стекла лампочки как не бывало. Из оставшихся волосков колбы вылетела великолепная электрическая дуга, длиной около тридцати сантиметров, и исчезла в балконной двери. «Вот это да!» – подумал каждый из нас. Мы еще больше заужали аппарат и нетвердыми руками затолкали его обратно в сумку. Так как запасных лампочек больше не было, то повторить не получилось, и мы отнесли фонарь обратно в священное артефактохранилище (старый дом наших прабабушки и прадеда), и закинули его на поленницу, где он, по нашим подсчетам должен был пролежать еще лет пятьдесят-сто, никем не вспомненный и не оплаканный.

Были еще многие фонари, и они были по-своему прекрасны. Пистолет-фонарик, который стрелял светом, но потом растерял всю свою боевитость и почему-то перестал стрелять (курок «сам» отломился), крохотный диск-фонарик на цепочке (со светодиодом!), такой плоский, что даже было жалко ломать; коробка-фонарик, который никогда на нашей памяти не светил; и даже фонарик в форме фонарика, который светил, но намного раньше появления нас на свет, и мы успели



Фонарик-коробка



Фонарик-диск



Просто фонарик



Пистолет-фонарик

только кокнуть его стекло, а так он и сейчас почти что целый. Их, должно быть, наберется на неплохую экспозицию для музея Познавательных, но Непрочных игрушек.

Думается, что от того у нас такая тяга к свету и знаниям, что мы в свое время крепко подпитались от хвоста чудо-фонаря.

SABOTEURS

**(Саботеры). Дары небес.
Такое не пропускают!**

...Хотите, поделюсь секретом? Есть в нашей стране движение мощное, секретное и могущественное. Любители теорий заговоров, возрадуйтесь – есть оно! И дело не в том даже, что состоит это сообщество обычно из двух-трех человек. А в том, что эти общества узнают друг друга за версту и воссоединяются, как жидкий Терминатор.



Мы были раньше таким обществом, жаждавшим таинственности и приключений любой ценой. Марк Твен со своими бродягами-мальчишками стал нашей настольной книгой надолго, а мы попутно всерьез раздумывали, можно ли выпрыгнуть из окна второго этажа на наволочке, если навязать побольше строп.

Наш девиз был «Мы упрямы!», и поэтому мы не взирали на страдания, которыми были чреваты наши домовые и уличные секретные вылазки. Как ни была обширна трехкомнатная квартира и необъятен прадедушкин двухэтажный дом, итоги деятельности выплывали на поверхность с завидной быстротой и кривыми последствиями.

Неизбежное возмездие настигало нас не свистом ремня или взбучкой иного сорта – взрослые умели донести до буйных головушек словами такое, что хотелось немедленно сбегать отыскать выброшенную в бурьян игрушку, смести мягким венчиком прабабкину пудру из пыли обратно в коробочку и собрать-таки разобранные на «автомашину» патефон и приемник. Думалось, что следовало бы срочно стать великим ученым, скоренько изобрести машину времени и отмотать события назад, чтобы не было такой стыдобы.

Но время – оно лечит. Забывались спиленные сливовые ветви, пол-

ные незрелых ягод (мы были уверены, что пилим сухостой в бабушкином саду!), книжки с «авторскими» иллюстрациями. Ум требовал новой пищи и каверз.

И – вот дар небес – компьютер SPECTRUM подарил нам новую идею для игр! Да что там – это сейчас игры, а тогда началась новая эпоха! SABOTEUR!

По названию игры было видно, что саботер – это мастер саботажа, что очень нам подходило. Одет он был соответствующе – а ля ниндзя из американских фильмов, метал звездочки и сокрушал охранников и их собак ударами, делая ноги «пилой». Потом добирался по запутанному зданию до бомбы, приводил ее в действие и улетал на вертолете, пока цел дом.

Ну что за прелесть!

Мы сразу же принялись обрести необходимое оборудование и сделали набег на инструментальный шкаф и кладовые в старом доме. Результаты казались просто прекрасными – мы нашли початую флягу керосина, стальной якорь-«кошку», которой в деревнях достают из колодцев непослушные ведра, кусок садового вара – в умелых руках такая вещь всегда пригодится – и бесподобно толстую пеньковую веревку. Вар попытались пожевать «для здоровья зубов», но он был, словно бивень древнего мамонта и мог оставить вообще без зубов.

«Кошку» мы подвергли немедленной металлургической обработке в банной печи – «закалили», чтобы не подвела. Печь явно была холодна и не готова к закалке, но показалась нам страшно горячей, и мы побоялись даже расплавить крюк. «Пшик» в холодной воде получился знатный, и мы успокоились – «кошка» выглядела хорошо закаленной и закопченной.

С одеждой дело обстояло похуже – облачиться в черный трикотаж и не выглядеть смешно было трудновато, а выстригать глаза в вязаных шапках было просто безрассудно. Дамские чулки, перепавшие нам по случаю, мешали дышать и делали нас похожими на упырей, а не на мужественных саботеров. Пришлось играть в открытую с риском, что родные догадаются, кто гремит по ночам посудой, вяжет ноги людям веревками и топает, как слон.

Второй дар небес – старшая сестра наигралась в таинственность и передала нам в наследство крошечную комнатку в самом сердце старого дома, на втором этаже. Комната 003 – вот как она стала называться.

Еще одним подарком нам стали пустующие сушилки. В старом доме уже лет двадцать не жили, но вся наша большая семья от бабушки с дедом до самых маленьких жителей навещала сюда как на дачу с огородом и огромным усадом, чтобы совершить пару-тройку трудовых подвигов. Скотины на дворе не держали и сена тоже давно не заготавливали, а с сушилки нас гоняли, чтобы шея наша осталась цела.

Нас посещала иногда мысль, что недурно было бы прямо из комнаты 003 пропиливать стену прямо во двор – благо, весь второй этаж дома был деревянным – и из одного штаба попадать в другой. Но пришлось отказаться от этой чудной затеи, потому что мы опасались перейти грань и распилить ненароком дом пополам. Да и наказание обещало быть за это телесным и даже, наверное, с тяжкими увечьями. Поэтому мы отказались и от мысли пропиливать тяжелый тесовый пол в комнатке 003, чтобы сигать сквозь рукотворный люк на первый этаж.

Так вот, саботажное наше началось. Мы действовали на двух фронтах, и наши родственники никогда не знали, где заканчивается их мирная жизнь. Первым фронтом стала квартира бабушки и деда, у которых мы проводили лето, а вторым – наш чудный двухэтажный дом со штабом.

SABOTEURS.

Команда действует.

Грандиозная операция (продолжение)

... Мы готовились по всем правилам военной и саботажной науки – очертили круг будущей операции в старом доме, составили план действия, в котором на засаленной (специальным салом с бутерброда), окровавленной йодом и пробитой шальными пулями бумаге расписали каждый свой шаг. Затем сложили бумагу фронтальным треугольником, написали сверху левой рукой «Беречь как зеницу ока» и «Совершенно ужас как секретно».



Отряд саботеров на построении



Секретная операция

Потом мы плотно принялись за разведку на местности. Чердачная дверь сушил приняла нас в свое нутро, как родная. В углу у чулана мерцала алхимического вида пузатая бутылка. «С алкоголем», – гордо подумали мы. Эта самая «алкоголь» имела цвет окаменелого варенья в кристаллах сахара, была заткнута пробкой и ее выдержка приближалась годам эдак к двадцати. Что с ней делать, было загадкой, но мы точно знали, что спирт горюч! А большего нам ничего про него знать и не надо было! И наш глаз прочно лежал на этой бутылке.

В другом углу мягко плескалась жестянка с керосином. «Не сегодня» – решили мы. Пеньковая веревка – это дело. Добротная из нее вышла цепь-лестница. Немного неудобная – как-то в ней зажало туфлю и минут десять ушло на то, чтобы выпутаться из позорных колец, вися в воздухе с задранной ногой. Зато никому не придет в голову назвать это лестницей – не похоже совсем. Конспирация!

«Кошка» тоже была наготове. На нее ушла превосходная нейлоновая веревка, заплетенная для крепости девичьей косой. За утраченные для взрослого хозяйства веревки мы расплатились сполна, и совесть уже была легка, чиста и открыта для новых грехов.

Обстановка благоприятствовала. Нынешней ночью вся наша большая родня оставалась ночевать в старом доме. Мы затаились в своем крошечном штабе 003, чтобы, когда пробьет полночь, отделиться зло-

вещей тенью от кровати, наведаться за провизией в главную комнату дома, где спали все. Там оставить весточку о себе: записочку с жутким приветом или привязать пару человек к кроватям. После проникнуть на второй штаб, там основательно подкрепиться, спуститься по веревке через дверцу на землю и идти бесчинствовать в сад – огород.

Дом заснул, и мы подались вперед. Наши планы с подкреплением как-то сразу не заладились – мешала тяжелая и звучная дверь в дом, и потом, еще не уснули все обитатели. Ждать, пока все уснут, мы не могли – уходило дорогое время. Как говорится, «уж полночь близится, а Германа все нет...». Как жаль! А колотить в сковороды в темной комнате и наводить ужас? Половина прелести сразу пропадала от этой утери. В прошлый раз все впечатлились...

Но нет! Из-за этого нас могли сцапать в самом начале. Настоящий саботер жертвует приятным ради главного! Все в сад. В дом заглянем на обратном пути.

Лестница страшно скрипела, и мы уже пожалели, что не пропилили люк в полу. Это было бы и удобно, и таинственно, точно по Тому Сойеру. Я попытал счастья скатиться верхом на перилах, но те предательски заверещали и выдали нас с головой. Сонные, но строгие родительские голоса уточнили из соседней комнаты, что-де рука возмездия уже подбирается к чьей-то непослушной заднице.

Да, признаю, эту часть плана мы запороли. Пришлось мямлить что-то вроде: «Да вот, в туалет...». В конце концов, мы утешили себя – ведь изворотливость саботера спасает его не хуже физподготовки. Если бы у нас был лишний день, то мы обязательно нашли бы способ перебраться вниз по потолку и стенам. Хотите верьте, хотите нет. На рукавах горело невидимое золотое шитье «Мы упрямы!». Но в том-то и дело, что еще одного дня у нас не было. На завтра все разъезжались, поэтому потрясать всех нужно было именно сегодня ночью.

Спасительный сортир, казалось, подмигивал в темноте двора...

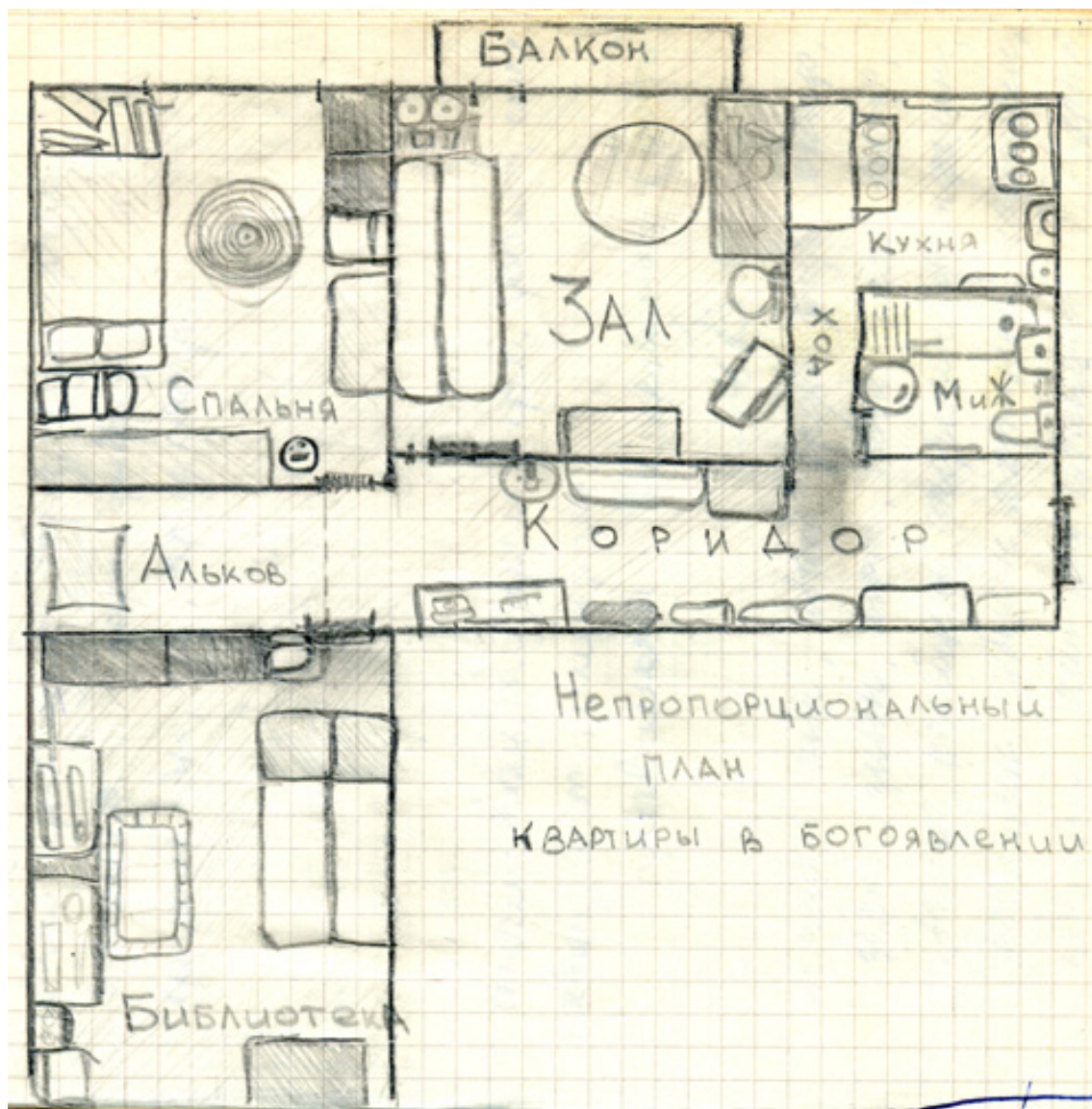
Перескакивая через вбитые в земляной пол двора гвозди – любимая забава! – огибая поленницы, мы взбежали на сушила. Распахнувшаяся дверца открыла нам ночное небо и двоих пьяненьких граждан, которые шли улицей, низко пригибаясь к земле. Их лица в темноте выглядели, как два нетрезвых знака вопроса. Мы ждали этих вопросов, но люди смолчали и прошли дальше. Все это выглядело весьма по-саботерски – серьезные взгляды двоих молодцов, спускающихся вниз по веревке, в духе лучших вестернов как бы говорили «мертвые не потеют». А живые холодели, потели и уходили.

Восьмидесятники

Сад, как на грех, освещался фонарями, и снайперы изо всех окрестных домов могли нас подстрелить и провалить нашу операцию. Была опаска еще, что соседи могут заподозрить в нас каких-то низких яблочных воришек, и пострадало бы наше честное имя.

Ночь и в самом деле шла к своей середине. Чтобы ознаменовать свой налет на вражеский стан победой, мы съели по паре зеленых яблок (ну, не сезон был) и отправились обратно, обещая всадить нож по рукоятку, если кто где шевельнется.

В дом мы пробрались намного тише, чем вышли. Молчание в комнате было уже вполне мирное и сонное, и мы переглянулись. И покачали головами. Нет! Мы не станем сегодня бесчинствовать в доме. Пусть спят – саботер благороден! А потом можно будет их накрыть всех на квартире у бабушки, где замышлялся вскоре семейный праздник. Там сподручнее.



Операция подходила к победному концу, и хотелось спать. Жестянка с керосином молча укоряла нас за то, что ее не взяли с собой в сад, и мы тут же на ходу стали обдумывать новую супербомбу. «Но только чтобы взрывалась» – такой была последняя на этот день клятва, и скоро саботеры сопели.

... Секретнейший план мы нашли через несколько лет. Он валялся в грудях бумаг и все кричал про секретность и «зенку ока»... И тогда мы сделали римейк...

Чарльз и Василий

Году этак в девяносто втором мы заполучили во владение кипу американских журналов «Ридерз Дайджест». Сестра Света знала места и привезла почитать целую подшивку.

Формат журнала для нас был новым – письма читателей с исповедями, историями из жизни и выдержки из американской современной литературы. Куски больших повестей и маленькие рассказы. Классики и современники под одной обложкой. Автором мог быть любой человек, из-за этого уровень писательства от рассказа к рассказу менялся; читалось неровно, но интересно: а как там американцы проживают взаправду, не в кино? К разнообразию тем мы быстро привыкли. Сюжеты пестрели, как бабушкино одеяло.

Один рассказ показался нам очень занимательным. Это были воспоминания ветерана американской армии о своем плену во Вьетнаме. Спокойный тон автора располагал к себе, а его способность не загнуться в тяжелых условиях намекала: находчивость – великая вещь.

Солдат сидел во вьетнамской хижине и обдумывал свой побег. Хижина была хилой, а солдаты вокруг – нет. Тогда пленный расколупал дверь тюрьмы и приготовил лаз. Потом соорудил из подручных средств и своей формы чучело и назвал его «Чарли». Чучело было нижней половиной человека – сапогами, ногами и рукотворным мочевым пузырем. Больше у Чарли ничего не было. Охрана проверяла пленника каждый день в одно и то же время, и если тот находился в нужнике,

то определяла его по звуку, так сказать. И по виду сапог в щели под дверь. Поэтому Чарли и обладал грандиозным мочевым пузырем и мог, по словам автора, «мочиться минут десять». Охрана убеждалась, что пленный на месте, и тревоги не поднимала. Это давало время отбежать от лагеря в джунгли.

Герой сбежал, Чарли сработал как надо. Однако позже беглеца все равно поймали, когда отправились в погоню. Американец был на чужой земле и не сумел найти верное направление. Но его не убили, а обменяли на вьетнамского пленного.

«Ридерз Дайджест» на этом ставил точку. Но неужели мы могли пренебречь хорошей идеей, прямо с американского блюда?

Так у нас появился Вася. Не стану хвастать, он был лучше Чарли. Во всем. Он не имел мочевого пузыря, потому что мы не собирались залить всех соседей снизу. Зато у Васи было все остальное. Настоящий человек!

Для начала мы взяли три пары валенок и создали коленчатое сооружение. Мы вдели одни пары валенок носами в горловины других до упора. И у нас вышла прекрасная пара ног, зад нетолстого человека и туловище по грудь. Человек мог только сидеть, и мы его усадили на чемодан. На ноги на тянули потрепанные брюки, а тело скрыли под фуфайкой цвета мыши. Будущую шею уже ждал мохнатый шарф.

Потом Вася получил руки, для них мы набили тряпьем рукава и очертили снаружи пятерни перчатками из замши. А над головой не пришлось даже раздумывать. В квартире много лет проживала пластмассовая округлая фляга литров на пять. Ее мы водрузили ручкой в воротник, налепили глаза, нос, рот и брови из пластилина и сели любоваться обликом.

И все же с головой дело застопорилось. От ног и до воротника Вася был прекрасен – ни дать, ни взять, сельский мужичок, шел-шел, да и притомился. Но голова была не та. Донышко выдавало пластмассовую суть. А нам не нужен был мужчина с пластмассовой головой, как у Барби.

Конечно же, нужна шапка! Ушанка! А самое главное – волосы. И через двадцать минут Вася сидел и бросал отблески лицом. А через его лоб вилось достояние каждого мужчины – кудельный чуб, в девичестве мочалка.

Кто он, этот человек? Откуда пришел и куда направляется? Васе была нужна история жизни, драма человека из народа, глубина характера. И мы придумали ему биографию. Итак, Василий раньше был

Восьмидесятники



40%

интеллигентом, творческим работником, но судьба наложила на него жесткую лапу, и теперь он вел трудную, противоречивую жизнь. Чтобы подчеркнуть конфликт души, мы вручили Васе в руки журнал «Художник-оформитель», а рядом пристроили авоську с бутылкой водки. Много позже мы даже справили ему паспорт. Потому что личность.

Свою работу мы вели втайне ото всех. И пробил час, Вася был готов показаться миру. Мы оставили его одного в темной комнате. Всякий, кто входил в туда и зажигал свет, сразу же вздрагивал и слегка вскрикивал. Посреди комнаты на чемодане сидел живой человек и глядел прямо в душу. Он был загадочен и добр. Не скрою, даже мы с братом, его творцы-созидатели, забывались и тоже вздрагивали.

Первая секунда встречи домашних с Васей, самая сладкая, нам удалась на славу, и мы решили закрепить успех. Нужно было только незаметно перенести его в туалет и усадить на унитаз. Но что-то нас остановило. Может быть, то, что люди идут в туалет слегка бодрее обычного, и такая встреча им совсем ни к чему...

Операция «Бочка»

Август. Прекрасный месяц. Таких ночей, как в августе, больше никогда в году не бывает. Холодно, но не так, чтобы одеваться в осеннее. Тишина и гулкие звуки – уже не совсем летние. И волшебный звездопад, который тысячу раз объяснили астрономы. Глядишь на него – и никому из них не веришь. На эти же созвездия десятки тысяч лет назад так же замороженно смотрели первобытные люди. Только в это и верится.

Мы с братом не спим. Сегодняшней ночью, а точнее утром, в четыре часа мы наметили операцию «Бочка». Мы выдвинемся незамеченными из дома бабушки в Богоявлении, скрытно переместимся в село Борцово, что почти в трех километрах, заберем в прадедушкином доме бочку на двести литров. Пустую. Бочку погрузим на жерди-носилки и с этими носилками пойдем дальше, в село Сарлей, что километрах в четырех от Борцова. Вроде бы всё просто. Зачем нам нужно всё это? Наша тётя

Восьмидесятники



из Сарлей имеет свой огород. Вот и всё. Вам мало? Ну конечно, если вы не знаете нашей тети и ее огорода, на котором не выростали разве что бананы, то логики никакой. А огород у нее примечательный. Физалис на нем – рос, кинза – была, топинамбур – произрастал. И еще много чего у ней там растет. Ну и, конечно же, цари полей – огурцы-помидоры-картофель-перец-и-что-там-ещё....

Всё это нужно поливать и поливать, а вода на огород поступает крайне неаккуратно. Зато ее можно принести ведрами с водокачки, до которой еще надо дойти. Поэтому и заполняет тетя все емкости на огороде водой. И воды вечно не хватает. А в Борцове стоит отличная бочка. Вот и замкнулась цепь. Бочка должна быть доставлена куда следует.

Но простота только в сказках бывает. Тащиться с бочкой на спине посреди бела дня – не таинственно, скучно и где-то по-подростковому

стыдно. Нам такой простоты было не нужно, и мы невзначай подумали, что никогда не ходили к тете при свете звезд. За подготовкой дело не стало, и вот мы уже обдумываем, как уйти незаметно, но эффективно. Скажем, спуститься с балкона второго этажа по веревке. Поразмыслив, мы откладываем спуск до следующего раза, потому что и по ночам люди ходят. И люди эти думают всякое разное о человеке, который лезет с балкона посреди ночи.

В конце концов, мы постановили, что будем уходить через дверь, но уж по Геку Финну. Чтобы никто и не услышал. И напишем зловещую записку, из которой всем станет ясно, что дело темное, но за двух пропавших переживать не стоит. Ничего страшного, хотя и ужас.

До наступления заветной минуты нужно было как-то досидеть и не заснуть. Мы завели бабушкин самоварчик и уселись в зале. Ночь показала, что подход к делу мы выбрали верный – чтобы выпить трехлитровый самовар, как раз и требуется целая ночь. Роль будильника исполнял организм, который гонял нас после полуночи каждые полчаса в туалет. Заснуть было невозможно.

Ночь окутала мир, и за окнами собралась хорошая, высокопробная чернота. В час ночи в голову начинает вкрадываться сон, который тут же распугивают гениальные мысли. А что, если у газет есть душа? А почему бы не обыграть продолжение сериала «Спрут» своими силами? А почему бы не пройти вброд всю речушку Печеть в ботинках?..

Мы встряхиваемся в двадцатый раз. На часах четвертый час утра. Самый долгий и сонный, заключительный час ожидания. Наконец, пора. Мы бесшумно выходим. У выхода ставим стул, а на него крепим записку о том, что операция «Бочка» началась.

Ночью всё иначе. По-другому светятся огни подстанции и вышки на повороте на Нижний Новгород. Совсем иначе стоят дома. Знакомые, тысячи раз хоженные «ёлочки» по трассе в Борцово кажутся плотнее и темнее.

А звезды! Как будто тысячи паучков взяли свои сети, в которых после дождя еще блестят алмазики, и набросили на небо. Нет, какая дешевая метафора...

Звезды всё сыпались, и вскоре у нас закончились желания. Жизнь обещала быть только раем. Мы шли сквозь строй просмоленных столбов и удивлялись: на дворе 1994-й год, а трасса сейчас выглядит так же, как и пять, и десять лет назад, когда мы ходили по ней со взрослыми. Вот елочки, вот сосенки, вот асфальт, вот пескобаза. Избы те же. Если не смотреть на марки машин на дороге, тогда можно смело

представлять себя хоть в семидесятих годах. И ничего не изменилось. Жизнь на месте. В ночи эта простая мысль получается какой-то необычной, не от мира сего.

Вот и борцовский дом, огромный при свете и в темноте. Хотя уже начинает светать, в его черный коридор входить жутковато. То ли действуют рассказы дяди о страшной кладовой – «медведовке» в глубине дома, где сидел – а я и вправду верил – живой медведь, то ли обилие черных углов и огромные пустые комнаты. То ли скрипучая лестница и крохотное окошко над входом, сквозь которое не проходит свет. А то ли подвал с чердаком, в которых, кажется, всегда кто-то или что-то живет...

Однако, сейчас нас двое. И не к лицу малодушничать друг при друге. И мы идем на двор собирать бочку в путь.

Пять часов утра, птицы расппеваются, и на востоке расправляется солнце. Трасса на Арзамас круто забирает в гору и делает поворот серпом направо. Смотришь с вершины поворота, и виден весь твой мир детства – вот они, оба села, все окрестные поля, пруды и леса, церковь, автостанция, родники и речки, дороги, колхозы, школы, свалки металлолома, магазины и пескобаза.словно кто-то подал тебе на гигантской ладони детскую страну. И над всем этим плывут огромные облака. Они тоже никогда не меняются. Хочется за ними. Комок подступает к горлу.

В низинах тлеют туманы. Мы несем бочку на носилках, и нам встречаются редкие водители, которые обалдело смотрят на нашу процессию. Мне приходит на ум, что вот так и появляются байки о нелогичных русских, которых никто не может понять разумом. Ближе к концу дороги уже хочется пустить бочку своим ходом до тетиного порога, но уклон у дороги только обратный, и мы топаем дальше. Прокатиться ей даем уже на проселке и слушаем, как она утробно гремит. Звук радует, и мы подгоняем ее ногами. Какая-то тетка поднялась спозаранку и смотрит. Наверное, оценивает, что и где мы сперли и не осталось ли кое-где такого же? Чтобы придать своему виду непринужденность, она останавливается и чешет ногу.

И вот перед нами тетин огород, естественно, запертый. Мы поднатуживаемся и перебрасываем бочку через забор. Шесть утра, солнышко бодрит и усыпляет. Сказывается бессонная ночь. Мы расслабленно шагаем к тете докладывать.

Она удивлена – еще бы! В шесть утра не ходят в гости даже в России. И мы заваливаемся спать. Но сон уже куда-то улетучился. За тонкой

стеной сосед, очевидно, серьезный мужчина принимается чихать. Он восклицает с хрипотцой: «Ахха! Ахха! Ды бл..., что такое! Ахха! Ну, е... твою мать! Ахха! Ды что за..».

Наконец, серия чихов заканчивается, и мы засыпаем, чтобы часа через три пробудиться по тетиному сигналу и идти на огород заполнять... правильно! А заодно и все остальные пять бочек, бочечек и бочоночков.

Между делом тетя узнает, что мы, оказывается, никому не сказались, что ушли. Она раздражается тирадой: «Да что ж вы не сказали-то никому? Надо было сказать: мам!пап!баб!дядь! мы ушли!» и отправляется позвонить бабушке и сообщить, что мы живы.

Мы красим могилки прабабушки и прадеда – наши предки лежат на сарлейском кладбище – и идем, наконец, спать.

На следующее утро мы собираемся пешком назад к бабушке. Тетя собирается с нами и делает шикарнейший подарок – она отдает нам в вечное пользование свой кинопроектор и фильмы к нему, а также свою кинокамеру. Немые фильмы об императорских пингвинах, несколько выпусков «Ну, погоди!», сокровища Кремля и – о бесценный материал – наша семейная кинохроника двадцатилетней давности!

Мы попутно делаем еще одно доброе дело: лезем на крышу трехэтажки, чтобы «посмотреть» тетину антенну. В ту пору мы себя считали большими специалистами по телеантеннам и могли посмотреть любую из них так, что телевизор начинал снежить, скажем, не сверху вниз, а справа налево. Или – был звук, не было картинки. Пришли, сделали, стало наоборот.

Пока мы ползаем и смотрим антенну, под ногами мешаются несколько изломанных соседских. Тетина антенна, самая интересная, словно коллективная городская в миниатюре, едва стоит, вся заржавлена, растяжки лопнули, со сломанным древком – непорядок. А вот валяется какая-то простецкая, восьмеркой, совсем хорошая, не ржавая. Провод оторван у основания.. Стало быть, ничья! Что за чудо-страна у нас! Мы днем с огнем ищем в Богоявлении антенну, потому что бабушкина весьма нехороша. Всё лето скачем на крышу и теребим ее, ищем хоть какой-то сигнал. А тут лежит прекрасное изделие и молчит. Тетину антенну мы присоединяем обратно, крепим, и изображение на экране появляется. А находку на радостях мы забираем. Чтобы не потревожить чьи-то хоззяйские чувства, сползаем с крыши и идем быстрым шагом.

– Какая хорошая антенна, надо же, какие выбрасывают! – замечает тетя.

По пути мы снова заскакиваем в Борцово за жердью для новой антенны и яблоками. С камерой, проектором, антенной, жердью и сумками мы выйдем едва ли не живописнее, чем с бочкой. День солнечный и очень ветреный. Нас покачивает вместе с поклажей, как под парусами.

Вот мы и дома. Операцию «Бочка» можно считать завершённой. Мы водружаем новую антенну, и в снегах на экране появляется проблеск. Потом смотрим немое кино по проектору.

...Проблеск телевизора продержался ровно до зимы. Потом антенну у нас сперли. А тетя случайно узнала от хороших людей, что именно ее мы лишили антенны. По незнанию мы заменили ее новую, которую повалило ветром, на ее же старую, которую никто не удосужился когда-то выбросить с крыши.

О семечках и мужской зрелости

На рубеже первого и второго десятка жизни нас подстерегло половое созревание. Вот таким слегка первобытным языком я начну повествование. Машинки и солдатики отступили, а на всех куклах у сестер мы начали искать первичные половые признаки. Половое созревание принесло нам интерес к сортирным темам, сальным анекдотам, которые в обилии водились у лучших рассказчиков двора...

...Одноклассник (назовем его Петей, хотя на самом деле это... Вася) раздобыл где-то фотографии интересного содержания. На них было все – и выпуклости, и округлости. Там был целый мир бытового черно-белого порно. Не иначе, эти изображения упали на нас с небес. И мы, прикрыв отвалившиеся челюсти, засели за изучение содержимого, естественно, когда родители были на работе. Через пять минут, пытаясь закрыть вытаращенные глаза, как по мановению волшебной палочки,



мы перенеслись из мира светленького несмышленного детства в юность. Это был волшебный катализатор, расставивший на свои места наши знания по анатомии и физиологии.

Чуть позже у меня появится книга «Искусство любить», тайно выкрадываемая из секретных запасников и аккуратно возвращаемая на место после просмотра. Этот ликбез пошел мне на пользу, и в свои двенадцать лет я чувствовал себя носителем кладези мудрости, недоступной простым смертным.

Теперь я точно знал, что, зачем и как. Я таки уже все знал о необходимости предохранения и вреде абортотв. И этим хотелось делиться, хотелось нести в массы. Но массы дремали. Их интерес завершался на внешней стороне дела. Меня это тоже интересовало, не скрою, но я ведь еще глядел и в глубину вопроса (почти буквально)! Поэтому мы предавались с Васей интеллектуальным беседам о новом знании в местах без лишних ушей.

Гм, говорил я себе, когда приятели с моего родного двора вели просветительно-популярные беседы в ключе «а чо с ней делать?». И гордо шел мимо. Потому что такие чапаевские рассуждения «Я вот тут, она тут на белом коне, у меня тут это..., а она того... а я ее туда» с рисованием прутиком на песке были ни в какие ворота. О чем было говорить

с темным народом, не понимающим разницы между презервативом и надувным шаром?

Одновременно с нашей самоподготовкой родители моего приятеля Васи (ну не могу я назвать его имя, он еще живой, семейный и счастливый человек! Пусть он будет Вася, ладно?) поддались свежим ветрам перемен и решили в духе перестройки и гласности провести с сыном беседу о том, в какую конкретно капусту аист приносит детей. Далее со слов моего приятеля:

«Мама спросила меня: «Ты хочешь узнать, как рождаются дети?» – «Да», – ответил сын, предвкушая. Но мама на то и мама, чтобы щадить молодую психику, поэтому она сказала: «Когда дядя и тетя любят друг друга, они ложатся рядом...» – «Угу», – зафиксировал сын. – «И дядя передает тете свои семечки, из которых будут расти маленькие детки...», – засмутилась мама. – «Семечки большие?» – вежливо осведомился Вася. – «Простым глазом и не увидеть» – ответила мама. И прочая информация в таком же обтекаемом виде.

Сказать, что мы были разочарованы этой полуправдой? Да! А где же подробности, где эти «их тела превратились в швейную машинку»? Откуда, наконец, появляются дети и как им там целых девять месяцев? И почему сладострастные тети на календарях, продававшихся тогда на каждом шагу в «комках» как-то больше могли рассказать, чем лекции «о передаче семечек».

Книжку мы стали читать на двоих, а порнографические фотки припрятали от греха подальше. Вася даже подарил мне их, оставив себе самые любимые. На этом я и попался месяцем позже в деревне, когда дед, ветеран Великой Отечественной, учитель и нравственный человек нашел их у себя дома. Стыд был великим, а фото изъяли и пообещали сжечь в печке. На вопрос, откуда я взял, я промямлил, что «старшие мальчишки дали». Мальчишкам досталось на орехи заочно, а мы перешли на лекции по половому вопросу из официальной прессы, запестревшей тогда американским опытом сексуальной революции. Теперь к нам было не подкопаться.

Сейчас все стало проще. Мой младший брат постигал все премудрости по энциклопедии для мальчиков, где на всю страницу были женщины и мужчины без одежды, а также и их интересные места в разрезе. Думаю своим детям такую же купить.



Есть или нет?

– Бога нет! – кричали мы. Мы были молоды и непримиримы. Шестилетние богоборцы.

В селе, где мы провели всё детство, стояла заброшенная церковь. Ее разоренное нутро холодил ветер. Крыша колокольни угрожающе провалилась, а внутреннее вавилонское пространство напоминало заброшенный склад – чем церковь и была долгое время. Кресты и колокола приказали долго жить, и только облезлые лики внутри самого высокого свода глядели в самую середину. Из оконных проемов постоянно тянуло дустом – советские годы давали знать о себе.

Мы пару раз заходили вовнутрь, испытывали характер. Было как-то не по себе. А тут еще по селу ходили свежие байки о том, что одна женщина едва сумела отпрыгнуть, когда на нее с колокольни полетела гнилая балка. Или не успела...

Проходя мимо церкви, мы часто кричали обидное, и гордость наполняла нас. Церковь нам не отвечала, и мы думали, что она уже умерла.

Сложно сказать – наверное, чувство нужды в ком-то всевышнем все

равно растет в человеке. И мы смотрели на одноглазых святых со смешанным чувством – Бога нет, нет... да вот есть.

Перестроечное ТВ погнало вал. Пестрый, он крутился, как белье в стиральной машине. Рок-культура была его яркой изнанкой. Десятилетиями ничего не происходило, и вдруг – каждый день происходило новое. Потрясение. Откровение. Разоблачение и Прозрение. Хорошего стало меньше, а правды-сермяги больше.

Нужно ли говорить, какой авторитет у советского гражданина имел телевизор? А у гражданина шести лет? Мы питались от перестройки. И надо же было такому случиться, что где-то в детской голове сошлись в узелок несколько информационных ниток. Рок-певцы социального протеста с одной стороны, тяжелый рок – с другой и некие металлические норвежские сатана-рокеры с третьей. Плюс воспитание в семье атеистов в третьем поколении. Гласность. Да еще повальное увлечение мототехникой взрослой молодежи в городах и селах во второй половине восьмидесятых... как, кстати, звали таких мотолюбителей? Правильно, рокеры. Мнемоника и семантика слов, пара детских фантазий – и вот, новый герой на мотоцикле, с адской музыкой, черепами и кожаной косухой, в вареных джинсах и шлеме. С рогами. Едет громить церкви и попов. Симпатичный, между прочим, герой.

Жару поддал однажды наш дед, замечательный человек, фронтовик и коммунист. Он тогда работал в местной школе директором и однажды принес весть, что одна учительница для развития детей в духе нового времени пригласила в школу из города священника.

– Она бы еще проститутку из города привезла!

Все смешалось в головах в странного вкуса кашу из антирелигиозных лозунгов, массы самопридуманных сказок о попах и сносе церквей. И все сказки заканчивались неизменно хорошо – армия рокеров разносила храм на кирпичи. И были у них такие мотоциклы, что входили в стену, как снаряды. И были у них дубины, пулеметы и палицы. Сказки были жестокими и грубыми, как уличные представления средневековья, где навалить под зад ногой было верхом остроумия, но никогда – кровожадными. Попы (да, именно попы, по-другому мы их и не называли) выглядели в сказке жалко, но новые герои их никогда не убивали. Наверное, что-то не давало поднять руку на священника.

Пару лет спустя, когда церковь начали восстанавливать, а у временного молельного дома в селе появился свой батюшка, мы нашли в нем живой объект насмешек. Но, наверное, мы были слишком хорошо воспитаны для этого, и говорили вредности себе под нос. Пару раз мы

видели попа при всем облачении, но без головного убора. Фантазия тут же подрисовала и убор, клобук в духе карикатур Маяковского.

Я тут же придумал, что крикнул, что бога-то того... нет. На что поп мне «взаправду» сказал, что бог «всё видит» и что-де «надо креститься и молиться». Я тут же рассказал об этом Ване. Смеха ради. Фразы стали цитатами. Брат, ты мне поверил тогда?

Но и это было еще не всё. Цепочка логики привела нас от боев с церковью (нам тогда казалось это жутко логичным) к отрицанию русского фольклора. Мы презирали русские частушки, песни-пляски и с недоверием косились на пословицы и поговорки.

Один раз Ваня меня даже раскритиковал за то, что я в своих письмах к нему пишу эти самые поговорки и пословицы с частушками. Да, каюсь, имел место отход от генеральной линии. Частушки я беззастенчиво драл из азбуки для первого класса – надо же было чем-то заполнять эфиры, а письма меньше одной страницы считались халтурой.

Позже все встало на свои места. Мы благополучно крестились в духе нового времени. Каша в голове осела. Но я и до сегодняшнего дня не знаю точно – верю я или нет? Может быть, это всё с детством связано...

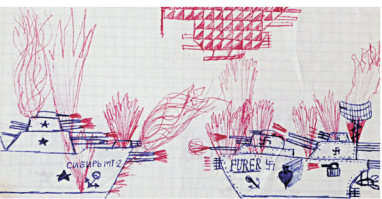


Универсальный код речей

Объединив произвольно часть фразы из столбца 1 с любой частью фразы последовательно из столбцов 2, 3 и 4, получите универсальный текст. Количество комбинаций — 10.000, достаточно на 40 минут произнесения речи.

1	2	3	4
Товарищи!	реализация намеченных планов	играет важную роль в формировании	существующих финансовых и административных условий
с другой стороны	рамки и место обучения кадров	требуют от нас анализа	дальнейших направлений развития
равным образом	постоянный количественный рост и сфера нашей активности	требуют определения и уточнения	системы массового участия
Не следует, однако, забывать, что	сложившаяся структура организации	способствуют подготовке и реализации	позиций, занимаемых участниками в отношении поставленных задач
Таким образом	новая модель организационной деятельности	обеспечивает широкому кругу (специалистов) участие в формировании	новых предложений
Повседневная практика показывает, что	дальнейшее развитие различных форм деятельности	позволяет выполнить важные задания по разработке	направлений прогрессивного развития
Значимость этих проблем настолько очевидна, что	постоянное информационно-пропагандистское обеспечение нашей деятельности	в значительной степени обуславливает создание	системы обучения кадров, соответствующей насущным потребностям
Разнообразный и богатый опыт	укрепления и развития структуры	позволяет оценить значение	соответствующих условий активизации
Задача организации, в особенности же	консультация с широким активом	представляет собой интересный эксперимент проверки	модели развития
Идейные соображения высшего порядка, а также	начало повседневной работы по формированию позиции	влечет за собой процесс внедрения и модернизации	форм воздействия

Що чмо-мо с гентомом свързател





Вадим ЧИНДЯСОВ
Иван МОРОЗОВ

Восемидесятники

